

РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ

Из книги «К живописи»

Перевод с испанского и вступление В. ЛЕВИКА

В юности Рафаэль Альберти готовился стать художником, и занятия живописью не прошли для его поэзии бесследно. В 1945—1952 годах он пишет книгу «К живописи», которую посвящает своему другу Пабло Пикассо. Стихотворения общего содержания — «Холсту», «Кисти», «Линии», «Перспективе» и другие — перемежаются здесь со стихами, посвященными отдельным художникам, корифеям мировой живописи, от Боттичелли до Пикассо.

Образная система Альберти, поэтические формулы, в которых он выражает свои пластические впечатления, чрезвычайно многообразны, и широкому читателю, не профессионалу, могут показаться непонятными. Сопоставления, метафоры, смысловые повороты порой удивляют своей неожиданностью и требуют специальной расшифровки. Великолепно зная живопись, Альберти в своих образах опирается на персонажей, на детали, на колорит самых различных картин. Однако из этого кажущегося хаоса всякий раз возникает определенный образ, удивительно верно передающий индивидуальность того или иного художника. Гиперболическое изобилие, титанизм Рубенса, каким он вырисовывается в посвященном ему стихотворении, отчетливо контрастируют с тонким, психологически сложным творчеством Боттичелли. А в стихотворении «Сезанн» попросту изложена теория живописи этого художника, который стремится во всех предметах физического мира сначала увидеть их простейшую геометрическую основу — куб, конус или шар — и на ней уже строить индивидуальную красоту форм, все их бесконечное разнообразие. Для такого фигуративного художника, как Сезанн, это был далекий от всякого формализма способ даже маленькой станковой картине придать конструктивную монументальность. И если Альберти трактует Сезанна несколько односторонне, зато он схватывает его новаторскую специфику.

Книга Альберти богато и красиво иллюстрирована им самим. Иногда это просто искусный монтаж репродукций с отдельных деталей, взятых из разных картин одного художника, как, например, воспроизведенный здесь Ренуар. Но большей частью это причудливый графический орнамент, узор, в который порою вкраплены стилизованные и крайне обобщенные силуэтные изображения разных персонажей из классических картин. Такова, например, фигура лежащей женщины из «Ваханалии» Тициана, также воспроизведенная на этих страницах. К сожалению, иллюстрации даны в одноцветной передаче.

Хотя стихи, публикуемые в нашей подборке, представляют лишь малую часть этой книги, они открывают неизвестную нам, но значительную сторону творчества Альберти. На русский язык они переведены впервые.

К 75-летию Рафаэля Альберти, которое отмечается в 1977 году, журнал публикует вместе с этой подборкой стихов интервью с поэтом (см. стр. 222).

Животиси

Тебе, о полотно цветущих зрелых нив,
холст, ожидающий, когда ж изображение?
Тебе, огонь и лед, мечта, воображенье,
безветренная гладь и бурных волн прилив.

Обдуманность, расчет и трепетный порыв —
о кисть геройская, гранит и воск в движенье,
дающем почерку и стилю выраженье,
здесь — точность контура, там — красок яркий взрыв.

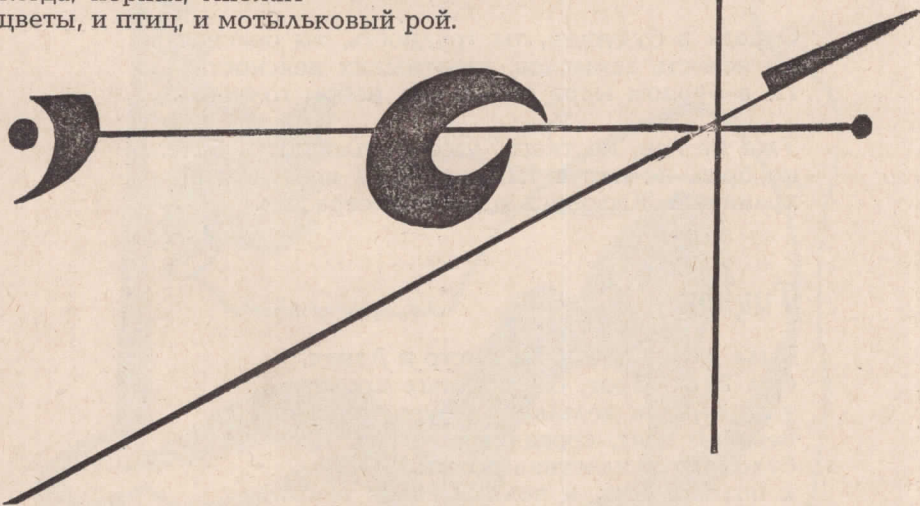
Ты форма, цвет и свет, ты ум, в полете смелом
познавший суть всего, язык вещей глубинный,
тьень, кинутая в луч, иль свет и тьма в борьбе.

Ты плоть воздушная иль воздух, ставший телом,
где жизнь и пластика волшебнo двуедины.
Рука художника, мои стихи — тебе!

Боттичелли

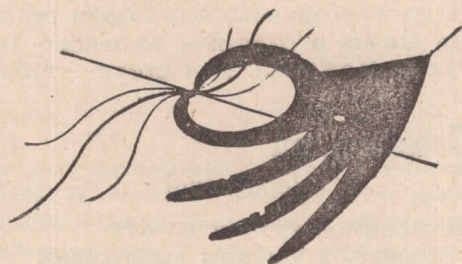
(арабеска)

Неуловимой грации печать
в улыбке, в каждом выраженье.
Уже готова кисть начать.
Как дуновенье — линии движенье.
Холста сияющая гладь
так лаконична,
мягко напряженье
зефиров дующих и легкой ткани взлет.
Ритмичных завитков скольженье
и на воде, и в вышине,
в отточенной штрихом волне.
И то деталей сопряженье,
и тот во всем геометричный строй,
которому своей капризною игрой
и ветер невзначай поможет,
когда, порхая, множит
цветы, и птиц, и мотыльковый рой.

А на холсте, в пространстве нерушимом,
из танца линий рождены,
танцуют спутницы весны
на радость херувимам
и серафимам,
чьи хоры с вышины
зовет молиться
грегорианского архангела десница,
и хрупкой грации печать
в улыбке, в каждом выраженье,
и как дыханье — линии движенье,
и полотна сверкающая гладь,
и тот же ритм и чувство меры
в прозрачно-бледной нагоде Венеры.

Холсту

Натянутая ткань, открытая ветрам
кистей и красок, рук, — поверхность без порока,
окно или балкон для видящего ока,
увидевшего мысль, неведомую нам.

Путь вдохновения, залитый светом храм,
из темного «ничто» возникший одиноко,
миг, остановленный и длящийся без срока,
движеньем вдвинутый в недвижность косных рам.

Отрада в будущем, ты трудность, ты опасность,
ты ясность замыслов, утративших неясность,
ты в бурном море штиль под небом голубым.

Уже не лен, не ткань, уже не плоскость боле,
но бриз, но парус ты, корабль в небесном поле,
хранящий Живопись юдольный серафим.

Тициан

Была Диана здесь, Каллисто и Даная,
был Вакх, Эрот, бог золотых проказ,
ультрамарин вельмож, лазурь морская,
Венерин пояс, сорванный не раз,
буколика и пластика поэмы,
и полный свет, и полный голос темы.

О молодость, чье имя — Тициан! —
в чьей музыке и ритм и жар движений,
чьей красотой им строй высокий дан,
в чьей грации так много выражений, —
пора веселья — алый, золотой,
вкус диспропорции в гармонии простой.

Сферический живот, в безумстве оргий —
сосков, пьянящих пляской, острота,
цвет, брызнувший в вакхическом восторге,
теней, дотоле тайных, нагота, —
в богатстве форм — поток любви всесветный,
разбрызнувшийся радугой стоцветной.

На серебристых простынях — тела,
любовным отдающиеся ласкам,
альков, парчовый занавес и мгла —
доступное лишь этим мощным краскам.
Нет, в золотое кистью не облечь
ни лучших бедер, ни подобных плеч!

Сиенна — сельвы детище и зноя,
и золотистый мрак лесных дорог,
и в золоте сафического строя
весь золотой от солнца козлоног,
и в золотой текучей атмосфере
колонны, окна, цоколи и двери.

Грудь Вакха золотит струя вина,
стекая с бледного чела Христова,
и в лике божьей матери — она,
все та ж Венера золотая снова,
и переходит кубок золотой
к любви Небесной от любви Земной.

Любовь, любовь! Шалун Эрот, губящий
сердца людей незримых стрел огнем
и прямо в сердце Живопись разящий
светящимся, пылающим копьём.
Век полнокровья! Он бродил влюбленным
по лунным высям, звездным бастионам.

Счастливой, пышной юности цветник,
великий маг из Пьеве ди Кадоре!
С горы Венеры брызжущий родник
в стране, где нет зимы, в стране Авроры.
Пусть и в веках сияет зелень лета
Приапу кисти, Адонису цвета!

Рубенс

Был человек, его жизнь и страсть,
копьё, поднявшийся до человека,
грива — молния, каждый глаз —
луч влюбленного летнего ливня.
Было в нем прошлое — время, забывшее возраст,
бурный поток, бегущий, кипящий,
розовый, как спина смеющейся нимфы
в диком лесу, где олени, где лай.

Был напрягшийся мускул, ждущий в неведенье смутном
дня и меча, которым назначено ранить,
крепкий был алкоголь, опьяняюще пьяная пена,
был цветовой перламутр в голубоватых прожилках,
также был точный, вкруг ножки вращаемый циркуль
в пальцах, дрожащих от плохо скрываемой жажды
обрисовать, охватить сладострастную грудь,
скрывшись во мраке ночном от взошедших созвездий.

Кроме того, это был...

вы помните, тучи,
помните, реки, урок, вам данный водою,
преображающей небо, сорвавшейся с места,
помнишь ли, море, встречаемый бурей рассвет,
помнишь ли, буря, какую таит опасность
дерзкий прорыв в небосвод аллегорий,
где Красота, пробужденная кистью,
светится в волосах раздраженной Дианы.

Боги,

о боги,

о светлые боги!

Руки, безумствуя, видят, что плечи Венеры
плеч Адониса, плененного ею, не уже,
что на бедре побледневшем испуганной нимфы
те же цвета, что в глазах у сатира, трепещут.
Вакх-Дионис! Загорается сок винограда,
только ты взглянешь с широкой, скользящей улыбкой,
только в кругу опьяненных, дразнящих желанье вакханок
выпятишь свой живот, с бурдюком наполненным схожий.
Рощ и садов изобилье, где Грации света
жаждут явить наготу в цветном полнозвучье,

линии — те, что в стихийном порыве умеют
плоскости цвету отдать, чтобы он их насытил.
О живописец заглавий в пространствах неписаных былей,
маг восклицаний, не вверенных буквам иль знакам,
ищут уста и глаза красоте твоей мощи название,
но, не найдя выраженья, пугаются и отступают.
Оргия неба, стихия, гигантское древо,
что заслонило сосок испуганный, в бегстве летящий,
пышных округлостей музыка, ставшая вечно недвижимой,
снов бредовых ералаш в нагромождениях плоти,
ты, наконец, этот конь, переросший уже в человека,
жилы которого вздуты соком зеленой прохлады,
моря хребет становой, воздвигающий смерчи,
в коих движенье и страсть, восторг, вдохновенье и вечность.

Коро

Ты — души эманация, свет
изнемогшего дня иль темнеющей рани,
стройный тополь, стройнее которого нет,
легкий, словно палитра, которой познал ты все грани.

Одевает листвою твои кисти рассвет.
В волосах многоцветно-зеленых
ветерок набежавший резвится.
Если ж вечер плывет, весь одевшийся в розовый цвет,
в сонной кисти твоей засыпает усталая птица.

Ты ли зеркало вод, что застыли в пути,
в бездыханных, недвижимых, неслышных долинах.
Дай присниться себе, дай в себя мне уйти
среди влажных и трепетных роц тополиных —

где последние нимфы в картинах твоих,
как живые гирлянды в языческой пляске,
томно льнут к пастухам, возвращенным из древних идиллий,
где звучат, умирая, кадансы пейзажей былых,
чтобы в новые краски
облеклись их мелодии, став музыкальней, чем были.

Ты — художник счастливых улыбок, ветров,
приносящих нам сильфов, ты свежесть лесная,
дымка, ткущая миру прозрачный покров,
иль озер, еще девственных, цепь голубая.

Дай мне жизни поток увидеть наяву,
там, где очи мостов твоих смотрят в спокойные дали.
Дай мою же увидеть листву —
ту, что ветры осенней поры разметали.

Дай мне детскую нежность души умиленной твоей,
дай любовь, что с Планеты уходит, слабея,
дай хоть ветку от всех сотворенных тобою ветвей,
но не дай мне грустить, что забыл о тебе я!

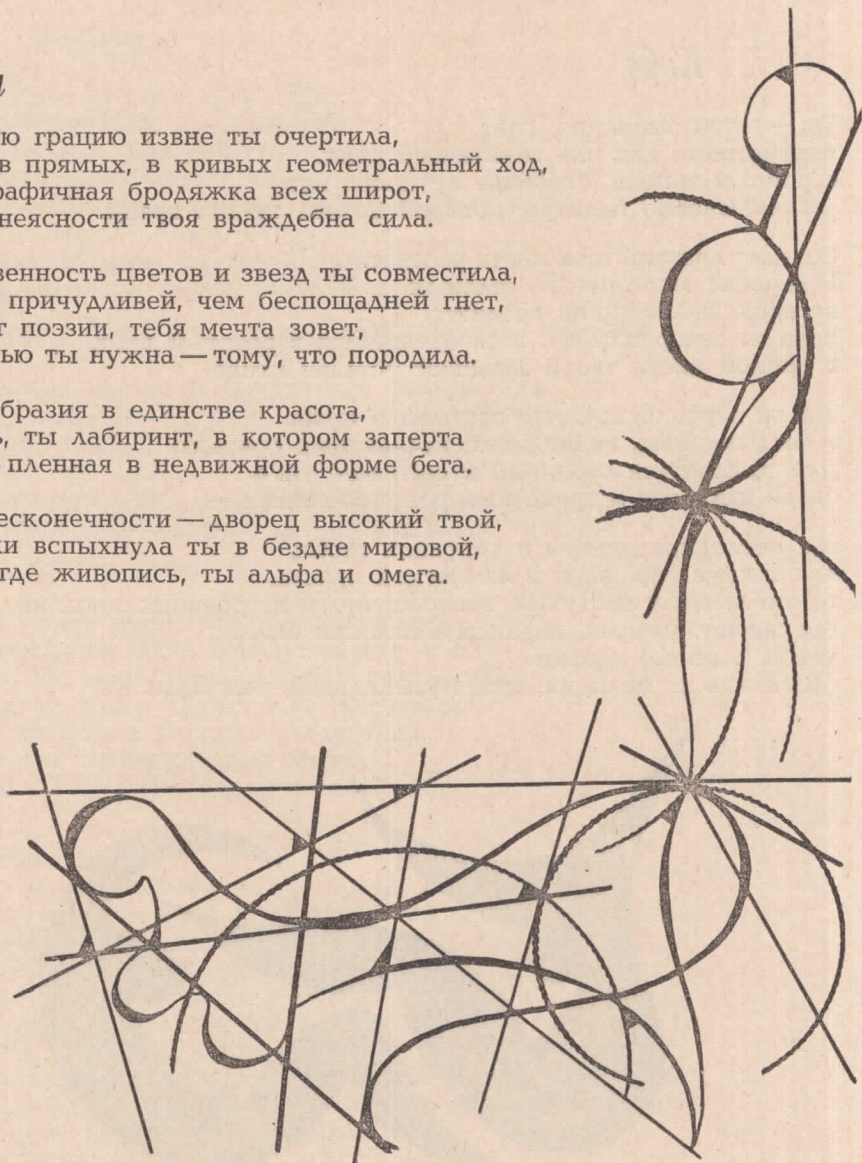
Линии

Людскую грацию извне ты очертила,
нашла в прямых, в кривых геометральный ход,
каллиграфичная бродяжка всех широт,
любой неясности твоя враждебна сила.

Таинственность цветов и звезд ты совместила,
ты тем причудливей, чем беспощадней гнет,
ты друг поэзии, тебя мечта зовет,
движенью ты нужна — тому, что породила.

Многообразия в единстве красота,
ты сеть, ты лабиринт, в котором заперта
фигура пленная в недвижной форме бега.

Синь бесконечности — дворец высокий твой,
из точки вспыхнула ты в бездне мировой,
и там, где живопись, ты альфа и омега.

Сезанн

Подвижник, мученик идеи,
он в Живописи увидал свой путь.
Учился, шел где круче, где труднее,
найдя пейзаж, стоял, искал в нем смысл и суть.

О пластика, о жизнь вещей немая,
вся нескончаемо мучительная быль!
Самодовлеет вещь любая:
плетенка, яблоко, будильник, торс, бутылъ.

Суровый, дикий, нежный, страстный
воитель.
В борьбе с холстом расчетливый и властный
первозиждитель.
О плен! Судьба! Бесповоротность!
О Живопись — тюрьма, темница,
где радостно томиться.
О Живопись! Весомость! Плотность!

Как точен глаз!
Моделировка, равновесье масс!
Ритм на земле и ритм на небосклоне,
закон контрастов и гармоний,
звучанье цвета, осязаемый вес,
вещественность земли, небес,
мазки, мазки,
то плотны, то легки,
то осмотрительны, то смелы.
И вдруг — пробелы!

Повсюду синий, синева холста,
оркестра цветового схема,
и наслажденья формой полнота,
как цель, как тема.

Верховной кисти раб, колючий словно шип,
прияв от Живописи рану,
своей сетчатки мученик — погиб
под стать святому Себастьяну.

И все ж, прозренья поздний дар,
открылась истина Сезанну:
всех форм основа — конус, куб иль шар.

Ренуар

Краски грезили. О, как давно,
как давно это было!
Роза втайне спешила,
соскользнув по груди, обернуться приманчивой ляжкой,
желтый цвет — золотою кудряшкой,
желтой розой — волос перевитых волна.
А индиго хотела струиться вдоль тела,
где колени росой окропляла б она.

Серебром расцвела бы маслина,
кровь кармина влилась бы в гвоздичные вина.
Ну, а черный — он умер иль спит?
Распевает лазурный зенит,
и под лиственной сенью
окликается свет с изумрудно-лиловою тенью.
Но звончей вермильона ничто не звенит:
он поет на прибрежном песке,
задом кверху плывет по реке
иль под солнцем спиною зеркалится голой,
нежно-розовый, светлый, веселый,
след от ножки, примявшей у стенки траву,
яркость неба,
жизнь, кипящая в нас и вокруг нас,
чтобы твой, не испорченный городом глаз
видел кобальт в зефире, клонящем листву,
видел черных волос синеву,
перламутровость кожи ласкал наяву,
фиолетовость в зелени мая,
яблоко розовость, тень от куста и листа,
свежесть лилий в тени, где грешна и чиста
испаряется алостью роз нагота.

Так, любовью на жизнь отвечая,
Живописец, в букеты цветов
всей палитры оркестр обратить ты готов,
груды роз расточая.

